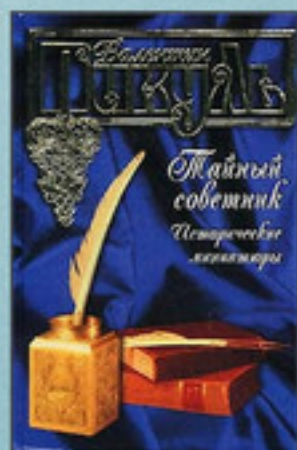

Валентин Пикуль

Решительные с «Решительного»

Часть сборника
*Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Тайный советник

Валентин Пикуль

Решительные с «Решительного»

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Решительные с «Решительного» / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Тайный советник)

«...Порт-Артур вечерами замирал, жители одеялами маскировали свет в окнах. Редко проедет ломовой извозчик или пробежит запоздалый рикша с коляской. Иногда возникали сильнейшие грозы, от которых на фортах разрывались фугасы. Эскадра уже настолько втянулась в войну, что, бывало, при стрельбе с правого борта орудийная прислуга левых бортов, крайне усталая, засыпала с храпением. Убитых хоронили с мощным хоровым пением, оркестры Квантунского экипажа выдували в пасмурное небо траурные мотивы Шопена, на грудь матросам возлагались бескозырки, в гробы офицеров складывали их флотские сабли и треуголки с кокардами...»

Валентин Пикуль

Решительные с «Решительного»

«Решительный» – кровный брат «Стерегающего», которому в Петербурге был поставлен замечательный памятник. «Решительный» такого монумента не заслужил, подвиг его затерялся среди давних, но громких событий, хотя историкам дипломатии, очевидно, знаком протест России «по поводу вопиющего нарушения японцами как нейтралитета Китая, так и общепризнанных начал международного права нападением на разоруженный контрминоносец „Решительный“... одновременно российскому посланнику в Пекине предписано предъявить категорический протест китайскому правительству» – так гласит нога, датированная в Петербурге 30 июля 1904 года.

Документ есть. Дата есть. А где же обстановка?..

– Обстановка сейчас такова, – рассуждали офицеры на броненосцах, – что, будь жив адмирал Макаров, он бы уже завтра вывел нашу эскадру в море для прорыва во Владивосток.

– Но без эскадры, – возражали другие, – Порт-Артур не продержится долго, а флот, покинувший крепость и гарнизон, будет справедливо обвинен в непростительной трусости...

Порт-Артур вечерами замирал, жители одеялами маскировали свет в окнах. Редко проедет ломовой извозчик или пробежит запоздалый рикша с коляской. Иногда возникали сильнейшие грозы, от которых на фортах разрывались фугасы. Эскадра уже настолько втянулась в войну, что, бывало, при стрельбе с правого борта орудийная прислуга левых бортов, крайне усталая, засыпала с храпением. Убитых хоронили с мощным хоровым пением, оркестры Квантунского экипажа выдували в пасмурное небо траурные мотивы Шопена, на грудь матросам возлагались бескозырки, в гробы офицеров складывали их флотские сабли и треуголки с кокардами.

Командиром «Решительного» был молодой лейтенант Михаил Сергеевич Рощаковский – при сабле сегодня, при треуголке.

– К чему этот парад? – спросил его мичман Петров.

– Меня вызывает контр-адмирал Григорович...

Он принял Рощаковского на флагманском «Цесаревиче»; прогретый за день солнцем и омытый теплыми дождями, броненосец медленно остывал в вечерней свежести, чуть покачиваясь. Григорович сказал, что из Петербурга получен настоятельный приказ: эскадре выйти в море для прорыва во Владивосток.

– А вашему «Решительному», – распорядился адмирал, – надобно проскочить через блокаду в китайский порт Чифу, дабы предупредить консула о выходе эскадры в море. Консул в свою очередь известил об этом же нашего посла в Пекине... Вы должны понять сами и внушить команде, как это важно!

– Есть, – отвечал Рощаковский.

– Это настолько важно, – повторил Григорович, – что по исполнении приказа вам разрешается закончить кампанию.

– Как? – удивился лейтенант.

– Консул в Чифу обеспечит вам законное интернирование, можете сдать китайским властям замки от пушек, вынуть из мин ударники... даже спустить флаг и выпел! Не удивляйтесь. С этого момента война для вас будет закончена.

Для патриота, каким был Рощаковский, последний пункт приказа казался самым трудным для исполнения. Несмотря на поздний час, офицеры «Решительного» с нетерпением ожидали возвращения командира. Михаил Сергеевич – еще от сходни – начал отстегивать от пояса мешавшую ему саблю.

– Обо всем в каюте, – сказал он офицерам...

В теснотище командирской каюты они пили чай с бубликами. Рощаковский спросил инженера-механика Кислякова:

– Павел Иванович, ты уголь принял?

– Полные бункера! А сколько в угле змей... Одна гадина чуть было не укусила кочегара Звирбулиса, хорошо, что этот латыш неробкий: хватить ее лопатой по шее!

На кителе механика поблескивал орден Владимира с мечами и с бантом. Следующий вопрос – мичману Петрову:

– Сережа, а что в погребах?

– Полные стеллажи снарядов. Калибровка выверена.

Юный мичман, внешне похожий на лилейную барышню, был кавалером ордена Анны с надписью: «За храбрость».

– Друзья мои, – сказал Рощаковский, – надеюсь, что вскоре вы станете кавалерами и Георгия, с чем заранее вас поздравляю.

Его не поняли, и Рощаковский объяснил суть полученного приказа.

– А по статусу ордена святого Георгия, – заключил он, – орден получают те, кто, прорвав окружение неприятеля, доставит командованию чрезвычайно важные сведения... Именно это, господа, нам и предстоит сделать: идем в Чифу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.